

Башня

Мрази: эти гнилые, упавшие жирным, разящим желудочной кислотой смрадом мрази ещё вспомнят обо мне... когда в новостях затрубят о моей ужасной гибели, я им всем: да, да-а! я им всем дам знак, что это всё вы: что это вы: единолично, безукоризненно и точно: определённо, мол, виноваты те и те; без мямлянья, дымка и домыслов: всё будет определённо и безапелляционно. В смерти этого прекрасного юноши виноваты, допустим, тот-то и тот-то. Виноваты они, и более никто не виноват: да, тогда: тогда именно хилиазм мой восторжествует! тогда вас погонят: тогда надорвутся ваши веки краснотой реального взгляда на то! может, конечно, в смерти моей виноваты не только они, да... да и во случившемся едва они принимали главное положение, но гниды: гниды ползучие должны взбухать своими трупами в берёзовых, шипящих неупругими страшными дырами соках: но мрази обязаны... они обязаны встретить те пёстрые, отражающиеся снимающимися уколеними лиц небесных блёстками пепельной куртки язвы отмщения.

Допустим, в положенной мне ситуации был выход: несколько остыв горячным гневом, я рассудил, что дело, в которое оказался впутан, есть совершенная ерунда; произошедшее не стоило ни моего внимания, ни чувства, так однозначно поверенного этим людям. Я знаю, что правдивее будет сказать, что виноваты все, чем обрадованным тупым прилипанием лба к остывшим горячей самодовольной истомой глазам объявить общую невинность и трагичность всесложения; да на это я не обращал внимания, пока не впал в положение, соответствующее настоящему. Порой стоит только пройтись: одна расходиться, пройти к домам той же улице, куда ты безрадостно приходишь каждый день, и те грязные пятна взмокшего тенью стен асфальта станут самыми приятными, самыми должными, да к моменту тому глаза мои были выдавлены.

Знаете, как со мной обошлись? Как поступили они со мной? хуже, чем с бабушкой моей: с бабушкой, бедной больной доброй старушкой... она... ей... когда бабушка раздавала газеты в метро, к ней подошли трое: лиц она, как говорит, не разглядела и не узнала, хотя я уверен: я знаю, что едва она и думала их наказать: едва она и допускает их наказание по вине, относящейся к ней; подошли трое, сказав... ну, спросив, мол, сколько она получает за это: а бабушка правда небогатая: дедушка умер, и она одна на пенсии не выживает, хотя... хотя мы и помогаем: ну, помогает больше сестра, чем я: я... мы все, общем: ну, семья наша: семья наша изгой; будто проклятье на нас всех: будто насел позади дракон, и жрёт каждую голову каждого из нас... неудачные мы все: кондрашные такие: смешные мы все и бедные, хотя я знаю: я точно знаю, ибо не может быть иначе: только мы: только семья наша испытывала боль

подобную: только мы страдание такое испытывали... вот, и даже в этом проклятье я худший: не принимают меня они: даже изгой из изгоев: даже они... и будто... ну, только лакрималисом назови теперь. Вот, и говорит бабушка моя, что получает гроши: ведь и правда гроши сущие, едва не копейки за всё это, но ведь... ведь ей так и самой проще: ведь по-иному она не смогла бы и людей видеть: сидела бы дома: сидела бы и, как сосед наш: сосед у нас всё детство моё сидел у парадное, а потом: потом сидим мы: сидит наша семья, где смеются все друг с друга: где все смеются надо всеми, кроме меня: с меня же нельзя смеяться: с меня... с меня только расстройство; сидим мы, и говорит отец: отец у меня фигура сильная... мама и сестра, каже, считают его таким же смешным, да он скорее притворяется: в каждой нелепости его сила: такая даже сила, что чудовищная, когда я думаю, как бы сам при том поступил; и говорит отец: старичок, тот, что сидел всегда там: которого я всё детство видел: что он повесился. И говорят эти люди бабушке, что помогут ей: что нечего больной и доброй тут стоять да здоровье портить; бабушка — в стойку: жила она довольно, и довольно видела злодеев: видит, и говорит, мол, не надо тут честных людей травить обманом: сильная у меня бабушка: смешная может всем, да сильная! ну, и начали ей деньги показывать: говорить, что... что деньги уже вот; и противилась бабушка много: много она говорила, будто не надо, да и люди это ненадёжные: обманов много есть, и нормально человеку не знать один из них... И дали они ей, общем, деньги эти: дали, и стоит бабушка минут десять: стоит с полчаса и час, и уже домой идти пора: она уж обрадовалась: она уж уверовала в человека, и тогда, ещё находясь во газетной накидке своей смешной, увидела трёх и раздобрела сразу: подумала, что случайно увидела: случайно попались, а те и предлагают до банкомата пройти: те и предлагают ей, так сказать, помощь, патронаж: охрану предлагают: стариков, мол, каждый обмануть хочет: так сказали они; они сказали, что каждый старика обобрать может. И проводили её: проводили и, видимо, подсмотрели пин-код. Посмотрели, попрощались, и идёт бабушка довольная: на карте денег много: идёт бабушка: идёт и улыбается, радуется: как цветочек радуется: детям помахала и молодым: идёт домой, и за углом бьёт её один из трёх по ноге. Открытый перелом. Вставляют ей в рот порвавшиеся тогда толстыми шерстяными петлями перчатки её же: перчатки, что она летом на всякий случай носила; вставляют в рот перчатки, бьют по голове, забирают карту, снимают все деньги, и всё. И всё. Бабушку по голове били: она сознание потеряла, и те думали, верно, что она умерла. Она стоять ровно с тех пор не могла, и потому больше не раздавала газеты. Она шла домой: шла, хрипя, на одной ноге: и голова: вся голова в крови, и плачет: бабушка моя... бабушка, что всем жертвовать готова, что никогда злого слова не сказала, что только помогала нам, и... и её, слабую, добрую, такую милую, забили до слёз кровавых: идёт она: идёт... долго идёт: долго рвутся облака над ней, и плачет она: она плачет всё это время. Слёзы с кровью мешают.

Так поступили с моей бабушкой, и со мной поступили сильно хуже.

Кости мои срастались в движении, глава моя мыслила во опьянии открытого черепа, и побелевшие слепотой боли глаза видели перед собой только месть: только кровь: только боль моих мучителей.

Я жил в лесу: озеленевшие смятым холодом деревья скрывали меня: я не думал, что выживу, однако... однако я выжил. Я тёл: гной в костях моих резал мысли, и только фантазии о пытках тех людей сохраняли во мне рассудок, причём... причём рассудок будто чрезвычайно трезвый был у меня... Обнятые темнотою солнца небеса пропускали пищащие светлые крики кислотных дымкой испарины своей лучей: лучей, пронзающих мои голые выбоинами пролежня тела. Я умирал: я умирал, и только сожаление о здравии их во мне было; уже давно не было меня: не было ещё во сотовой части того, что они сделали. Они... они сначала сделали всё окружнее: сделали, и после сделали это... сделали последнее: именно то, что покалечило уже не душу мою, как прежде, когда я ещё мог снести всё: когда всё ещё было незначительным и недостаточным моему переживанию о том. Мой ум никогда: никогда уже не воспримет ничего верно.

Пёстрые кожами волос моих нарывы медленно теряли свою красную рваную боль: постепенно падающая ко мне со снега влага укрепилась каплями дождя, и: и тогда боль снималась; я выжил: я сумел снести это телом, и тогда... тогда я начал жить в лесу. Я не помню уже, когда начал, но... ну, я... плохо у меня с этим.

Слепота моя отходила: тогда я смог увидеть себя: я был гол, обезображен и холоден; рокошующая злым мурлыканьем зима прошла, уже отобрав пальцы на ногах и два мизинца с рук.

Всё было лучше того, через что я прошёл, и тогда всё показалось таким простым: таким лёгким и слабым... никакое тихое умирание не могло сравниться с тем вопящим чудовищем... я стал строить: именно это казалось мне наиболее тяжёлым из всего, хотя силы во мне было ещё много: я долго: очень долго удивлялся, сколь сильным меня сделали эти пытки, каким слабым я был прежде и как я отличаюсь от прежнего себя.

Оболганные черноватыми укусами леса скрывались от меня: шоркающие жалостью ко мне животные всё же боялись меня: моих дрожащих, отмороженных розовых лезвий обтянутых тугими, секущимися длинными острыми нитями мышцами рук. Я стал сильнее.

Я точно красивый: я точно хороший... я интеллигентный: я хороший... я достойный человек: я! я ведь! я изменился, да и раньше... раньше...

Головы медведей со снятой шкурой имели человеческие, вздутые красными рубцами глаза, и головы эти говорили мне, что я слаб: что я недостаточен, хотя я... я-то знаю: я уверен: я точно знаю, что я лучший, что я...

После граждане моей страны распространили миф о том, как я родился: что, мол, с самого начала у меня по четыре пальца на руке было... они... они любили моё уродство.

Театр стоял всё дальше от меня: ребёнком всегда ты гораздо более чуткий ко всему, и понимать это стоит вполне себе предметно; мне нравилась обивка опередстоящих стульев: мне нравилось смотреть на, как я думал, дорогой тёртый бархат: меня удивляло, как же это, чтобы я, чтобы мы даже: чтобы семья наша, такая маленькая, была близ такого дорогого: такого несвойственного нам. Мне нравился запах отпадающего безокрылыми глухими птицами воздуха, и в запахе этом я всегда находил нечто близкое себе: всё мне нравилось: мне нравилось это, и...

Я вполне себе понимаю, что я есть диктатор и тиран, однако... однако так мне хорошо, когда хрипящие стопами шеи режутся ножами, что я отослал. Так мне нравится стоять чуть подальше, зная: во всём виновен только я сам. Во всём должен быть только я.

В лесу я часто рвал ноги: часто я цеплялся за, например, веточку: цеплялся впившейся на сантиметры веткой ногой и ничего не чувствовал: боль эта не будет и близко со тем, что испытал я: боль эта есть ничто и туман во сравнении с тем... жирные клубы крови падали с разорванной торчащим колом дерева дырки, и в ночах дырка эта гнила: тогда я просто выдавливал ветки и жрал свой гной.

Когда всё нависло брызжущей кровью младенцев темнотой, я наступил на заражённый шприц: тогда я подумал, что жизнь моя была бы лучше, если б я всех простил.

Возвышенная, опирающаяся на бесплотной твёрдости сминающейся влажными рыхлыми комами земли башня тянулась... вероятно, всё же не тянулась: башня была прикреплена гигантским широким ремнём ко мне ремнём менее значительным. Бесконечные квадратные, обливающиеся зеленоватостью мха и грязной мутноватостью плесени камни складывались в нескончаемую, будто готовую вот-вот упасть ко мне трубу. Труба эта, кажется, кончалась чем-то оверху, однако конца этого не вижу ни я, ни, думается, остальные: Йозеф мог просто не приходить: Йозеф мог не реагировать на обвинения: Йозеф сам проклял себя, а башня моя, кажется, проклинала меня уже...

Мысли мои сковывались падающей внови и внови, стремящейся ко клыкам башни пеной, и всё боле я путался во времени, страсти и Господе. Задачей моей было стянуть башню: общем, уронить её, хотя сперва о том я и не додумался. Я знал, что мне необходимо тянуть ремень башни, и итогом всего этого будет... будет нечто, следующее за крайним упорным натяжением, происходящим из моих сил. Оказалось, что следствием итогов упорств моих станет падение башни колоссальных размеров на меня: сейчас о том я особенно не размышляю; у меня есть задача, и задаче этой я...

Башня стала мне проказой: когда-то она насыщала жизнь мою содержанием и неким веществом, озвояющим двигаться далее: озвояющим продолжать во дубнувшем забвении сил унынии делать нечто еще; порой казалось мне: ну, до башни казалось, что часто бывают мгновения, окончательно скрывающие любую жизнь от меня; так мне кажется, и после я отдыхал, ел и спал, и тогда становилось всё не так мрачно и тяжело, да только... только часто я видел небольших людей: люди эти быстро бегали, высоко пищали и, что меня более всего отяжеляло, имели на главах шапочки, схожие с башнями: башни были разных цветов и едва имели что-то общее с той, пред которой я срываю шипящую осколами огня землю сейчас, однако о том я не переставал вспоминать.

Оперво башня давала некую уверенность: всё же подобное прочное крупное строение говорило, что в мире, о котором я оказался, нечто может стоять и, судя по безрезультативности моих упорств, довольно основательно. Башня стала центром моих тела и души: еда, вода и молитва мне не требовались, ведь я был движим одной только мыслью, и сколь приятны: сколько опийственны были мысли о том, что я... я! что я смогу хоть немного сдвинуть это величественное существо. Единственным из выдающегося во моём поведении, за время это множество раз сменившимся внешностью и внутренностью, было непрерывное мощью своей напряжение, со которым я подходил: точнее, отходил от башни; ни разу я не расслабился, и всегда башня была мне инородной, и ведь! ведь хрустнула она даже несколько раз подо моими усилиями: верно, то было схоже с тихим хлётким, достаточно обыкновенным уже ударом кожи ремня о еле осоединившиеся взросшей моим ослаблением травой камня; однако и мысль о том я пресёк самыми крайними упорствами, за которыми... за которыми ничего не сошло.

Долго я тёр окровавленными до костей ногами спелеляющуюся верховными вонючими дымами землю, и много я пробовал тереть камни башни ремнём: всё бесполезно: всё глупо и смешно, но земля... земля поддавалась: она проминалась под моими ногами: её нельзя было вскопать, однако она приминалась, и приминалась иногда не только вниз, но и вбок; так я случайно вмял землю примерно о десять метров вниз; разумеется, башня не оголялась ещё оставшимся высоким тугим холмиком, однако метра на два она окрылась почерневшим пятном всё тех же камней; казалось, башня одинакова со всех сторон, и совершенно ничего: ничто не может поколебать её: ничто не имеет довольной способности к тому.

Мои маленькие чёрные глазки: облитые мёртвым синячным блеском глаза всегда смотрели вперёд: сколько просмотрели они вперёд, я уже не вспомню, однако только пару раз: только некоторое незначительное количество раз я обращался к башне: смотрел на неё: проверял ещё, пока не возненавидел. Ненависть пала к ней ото меня множество раз: кажется, не менее двадцати; и каждый раз: каждый раз я чуть передумывал: чуть менялся ото уже

озвученной ненависти, и тогда я прежним образом тянул: тянул, и животы мои, кажется, рвались, однако кишок я не видел, как не видел и башни: я смотрел в синевшие облака солнц: смотрел и тянул: смотрел и тянул.

За что я был наказан? кем я был наказан? Вероятно... вероятно, я был наказан Господом: я много думал об этом, но страсти отвлекали меня; нежелание видеть истинное во себе всё продолжало отталкивать меня от знания того, что я достоин наказания. Я совершенно безобиден: ничего выдающегося я не делал, и... и даже праведники не углубляли во мне гадость ко ним: я просто был: я был и работал, и едва мразь моя достойна была хоть сотой части от внимания, коего достойны все из тех, с кем я имел право во жизни своей действовать... пусть... пусть то может звучать и излишне горделиво или недостойно, даже неустойчиво, но... но я знаю: я знаю, что мучения, коими я был отяжелён, стали совершенно немерными: совершенно... совершенно несправедливыми ко мне. Я маленький: я совершенно незначительный и слабый человек, и все остальные... эти люди ведь хуже меня: все они дерзновеннее, наглее и жирнее, да...

Тогда взорвался живот мой: чуть шипяще хрипя, я рвался левее, ведь видел: видел, как башня грохочущими раскатами глухого свиста приближается ко мне: как отходящая с нее широкая тень пожирает чуть зеленоватый свет осиневшей демонами почвы. Из живота моего вырвался гигантский, скатывающий жирную кровь глаз: он сказал мне во душах моих очрез Дух ко себе, что Ниневитяне не обратятся; и вне дома меч, и во доме мор и голод. Я начал стекать, ко-де, и дрожащие язвами облака закрылись опредо мною башней.

Он ничего мне не сказал. Он так и не ответил мне. С тем я не примирился, и душа во крови моей...